

кантіанства, англійського утилітаризму та американського прагматизму, як між собою, так і з суспільними науками та містить суттєві передумови переведення етики з метафізики в науку та освіту. При цьому, треба підкреслити, що не метафізичні, а метанаукові ракурси етики, містять в собі можливість надати етиці екзистенційний сценарій практичного втілення її ідеалів в практичному здійсненні формування цінностей та смислів вищої освіти. Саме тоді етична компетенція стане визначальною в вибіркових діях майбутнього науковця чи фахівця, а вища освіта в своїх реформістських пошуках не буде займатися імітацією корисної діяльності, змінюючи форми шляхом злочинного зменшення гуманітарних дисциплін, а визначить етичний зміст та моральну відповідальність основними чинниками її парадигмальної трансформації. Можливо і університетський проект Гумбольда в його поєднанні науки та освіти знайде перспективи сучасної реалізації в якій етико-компетентнісний підхід допоможе подолати прагматичну підготовку вузьких фахівців та кон'юнктурно спрямовану науку від втрати своєї еволюційної місії – піднесення людини!

Бібліографічні посилання

1. **Табачковський В. Г.** Антропокультурне та соціокультурне у людському світо відношенні [Текст] / В. Г. Табачковський // Філософська і соціологічна думка. – 1996. – № 3–4. – С. 240–244.
2. **Култаєва М.** Футурологічні розвідки сучасної філософії освіти: теоретичні побудови та проблеми їх здійснення [Текст] / М. Култаєва // Філософська думка. – 2002. – № 5. – С. 36–40.
3. **Гумбольдт В.** О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине [Текст] / В. Гумбольдт // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2 (22). – С. 3–7.

Надійшла до редколегії 25.01.11

УДК 130.122

С. В. Шевцов

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РОЛЬ И МЕСТО ПАФОСА В СТРУКТУРЕ СКАЗАНИЯ

Розкривається пафос як фундаментальний структурний елемент оповідання у міфічному (хтонізм, героїзм, діонісійство), об'єктивному, суб'єктивному, спів-буттєвому аспектах.

Ключові слова: пафос, оповідання, пристрасть, витвір, афект, влада, виток.

Раскрывается пафос как фундаментальный структурный элемент сказания в мифическом (хтонизм, героизм, дионисийство), объективном, субъективном, со-бытийном аспектах.

Ключевые слова: пафос, сказание, страсть, произведение, аффект, власть, исток.

Pathos as a structural element of tale in mythical (chthonism, heroism, dionisism), objective, subjective, co-being aspects is discovered.

Keywords: pathos, tale, passion, production, affect, power, origin.

Сказание открывает собой историю самосознания человечества и, соответственно, как следствие и очень важный результат, самопознания отдельно взятого человека. Сюжеты, даваемые сказанием классичны, типологичны, символичны и в силу этого неизбежно становятся источником вдохновения поэтов, художников, композиторов, режиссеров, полем обнаружения новых смыслов, идей, граней бытия учеными, философами. Классичность сюжетов древности не столько в том, что они образцы для подражания, сколько в том, что они полисемантны, неисчерпаемы по своему культурному заданию. В этом их символичность и пойнсисность – быть источником новых смыслов и тем. Сказание выступает источником поэтического мышления как производящей структуры. В основе сказания лежит аффективный корень, делающий сказание не просто проговариванием, рассуждением, но именно действием, то этот корень – пафос (pathos).

Пафос как темное, оргиастическое начало тотально пронизывает собой всю античную мифологию, и в контексте данного исследования фундаментальные, функциональные и производящие аспекты поэтического мышления. В хтонизме пафос порождает состояние страха (phoberon), ужаса (phobos). В героизме, одержавшем вверх над хтонизмом, где казалось бы аполлонийский свет и олимпийское величие вытеснили эти темные иррациональные глубины, пафос, подобно птице Феникс, возрождается в виде мифологии проклятия и наказания (timogia), так что понадобилось дионисийство, где пафос комплементарно с очищением (catharsis) становится структурным элементом преобразования бытия.

Пафос пробуждал в эллинской душе повышенную впечатлительность относительно всего происходящего вокруг нее и с ней, и приучал ее не только благоговеть пред своими богами и героями, но и оплакивать их, что видно на примере Аполлона, Диониса, Прометей, Геракла, Эдипа и др. Объективно пафос – страстное, возбуждающее скорбь состояние относительно судьбы боготворимого тем или иным культом существа, субъективно же – переживание и энтузиастическое сочувствие в аффективных состояниях.

Пафос – неизменная составляющая бытийных функциональных аспектов сказания, репрезентированных деятельностью Аполлона, Диониса, Тюхе. Событийность пафоса пронизывает профетическую функцию, задавая несчастья и беды, которые должна испытать и вынести душа для своего преобразования. Страдательная, аффективная составляющая пафоса определяет карательную функцию. Содержащаяся в

пафосе перемена, изменение фундирует катартическую функцию, непосредственно служащую преобразению бытия человека. И, наконец, пафос как религиозная канонизация героя и метаморфоза как исход из состояния отчаяния инспирирует своей энергией функцию освобождения.

Вне пафоса, в свою очередь, невозможны производящие аспекты поэтического мышления в контексте антиномичности Эроса и идеи эротического восхождения души как преобразования в красоте и приобщения к бессмертию, к чему душа становится причастной, пройдя выпавшие на ее долю несчастья и испытания, и сохранив, при этом, внутреннюю стойкость в страданиях и поражениях. Сила и мощь человека не столько в том, чтобы победить в жизненных обстоятельствах, ибо победа зачастую зависит от различных случайностей, сколько в том, чтобы суметь выстоять в них, последнее – исключительно во власти человека. Сказание является порождающим лоном логоического измерения бытия и поэтического мышления в частности, поскольку оживотворяющее его начало пафоса делает миф не просто сакральным словом, но действием.

Пафос как сущностно принадлежащий сказанию аффект есть его власть (arche), принуждающая обратиться к нему. Принуждение сказания есть «при-каз» – активное к нему обращение. Есть особое страстотерпное состояние, которое мистиками различных культур и времен именуется «богооставленностью» (вошь Христа на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46)), когда ты не то, чтобы покинут всеми, но когда эта покинутость пронизывает все твое существо, вдвигает тебя в Ничто. В этом состоянии проявляется глас сказания как «при-каз» или зов. В то же время пафос как от сути властно идущая нужда сказания понуждает к выведению из его истока. Это понуждение есть «по-каз» – выведение сказания в непотаенное. «По-каз» возможен, с одной стороны, как «от-каз» – то, что идет от самого сказания, порождающей мощи и тотальности изначального слова, с другой, – как «у-каз» – удержание самой производящей силы сказания, озбоченное сохранение от падения в обмирщенность и повседневность. Сказание и есть это приказывающе-показывающее действие, охватывающее своей тотальностью бытие, задающее ему логоические границы и удерживающее само сказание открытым и неисчерпаемым. Сказание есть высказывание, прорыв общей глухоты и немоты бытия.

Исток сказания суть arche – основание, происхождение и власть. Сказитель, тем самым, архаик – он тот, кто стоит ближе всех к истоку сказания, испытывает на себе его властную мощь и через кого сказание сказует. Сказитель – тот, кем исток сказания жив, и если перефразировать известное изречение, то не сказитель говорит языком, но язык через сказителя. Основание, происхождение и власть истока сказания – в пафосе. Поэтому встреча сказания и сказителя – всегда событие, испытание. Сказитель пребывает в аффективных состояниях, он испытывает в этой встрече целую гамму переживаний: волнение, возбуждение, страсть, но не ради их самих, а с их помощью он производит манифестацию сказания. Встреча сказания и сказителя предполагает определенную перемену в бытии

сказителя. Сказителю, чтобы внимать сказанию, удерживать его производящую власть, необходимо совершить перемену в своем бытии. Перемена эта представляет собой восхождение к истоку сказания или анафору (anaphora), а само взаимодействие сказания и сказителя, с моей точки зрения, есть метафора (metaphora) как вводяще-выводящее действие или ведающее ведение.

Согласно одному из крупнейших современных исследователей мифа, К. Хюбнеру [10], миф представляет собой реальность, тогда как метафора – троп, форма аналогии, копия, и тем самым, между мифом и метафорой – огромная пропасть. Безусловно, если метафору рассматривать как троп, перенесение свойств одного предмета на другой на основании общего для обоих признака, то между мифом и метафорой действительно дистанция. Но в своей этимологии метафора есть такое перемещение (phora), которое предполагает общность, общение, соучастие (meta-). В этом случае метафора представляет собой не троп, но тропу между сказанием и сказителем, по которой осуществляется вводяще-выводящее действие, и такая тропы невозможна без того, что объединяет и содержит направленность действия от сказания к сказителю, и наоборот. В метафоре реализуется, во-первых, общность сказания и сказителя, и вне этой общности сказание в принципе невозможно. Общностью же их выступает производящая природа обоих, а также пафос как событие и перемена. Во-вторых, общение сказания и сказителя как их взаимная направленность друг к другу, и таким общением задается ритм, на который сказитель отзывается напряжением и расслаблением своей души как психофизической основы его мифотворческой символической деятельности. В-третьих, соучастие сказителя в раскрытии потенциальности сказания, которое со стороны сказания выступает как непотаенность высказываемого сказителю в виде слова, вести, известия, а со стороны сказителя – производимая им мифопоэтическая картина мира.

В своей статье Дж. Р. Серл пишет: «Вопреки распространенному мнению основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа или предложения, а *производство* (выделено мной. – С. Ш.) этого конкретного экземпляра в ходе свершения этого речевого акта» [9, с. 57]. Сказание как речевой акт есть про-из-ведение этого речевого акта, и как такое сказание синкретично, энергично, пойдисно, то есть целостно, недифференцировано и в то же время действенно, активно, мощно.

Сказание как речевой акт, представляющий собой ритуальное пение направлено или интенционально. Будучи таковым, сказание содержит, с одной стороны, совокупность актов, в которых оно реализуется, intentio, с другой, – то, на что эти акты направлены, intentum. То, что русский язык выражает одним глаголом «петь», греческий демонстрирует свое полисемантическое богатство: Гесиод для характеристики свершаемого им действия употребляет lego – не только «говорить», но и «воспевать», geio – не только «произносить», но и «петь», phoeo – не только «звучать», но и «петь», наконец, aedo – непосредственно петь, воспевать. То, что воспевается

сказителем в ритуальном пении – имена богов, события, действия, предписания и пр., образующие собой мифопоэтическую картину мира. Именно через воспевающее сказание мы узнаем о приоритетной роли богов в жизни человека, об их пророческих, карающих, освободительных, катартических функциях и пр. Мы узнаем о том, что события в сакральной области оборачиваются аналогом событий в сфере профанной, войны богов между собой и людей между собой – две стороны одной медали бытия. Произведение этих имен, событий, персонажей – первый шаг на пути к самопознанию, поскольку изначально человек познает себя через различные мифические образы как иные по отношению к нему самому. То, что связует ритуальное пение и то, на что оно направлено, суть метафора как тропа между сказителем и сказанием. Но если ритуальное пение, то, на что оно направлено и метафора составляет горизонтальный срез сказания как речевого акта, то состояние, в котором пребывает сказитель, для того, чтобы этот акт сказания был уместным и успешным, представляет собой, если угодно, вертикальный срез. Это состояние, исполненное глубины пафоса, достигшее предела в рационально осмысливаемом, балансирующем на грани катафатически артикулируемого и апофатически переживаемого в экстатическом восхождении.

Библиографические ссылки

1. **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов [Текст]. – М.: Библиейские общества, 1995. – 1360 с.
2. **Бланшо М.** Пространство литературы [Текст] / М. Бланшо. – М.: Логос, 2002. – 288 с.
3. **Буркерт В.** Греческая религия. Архаика и классика [Текст] / В. Буркерт. – СПб.: Алетейя, 2004. – 586 с.
4. **Голосовкер Я. Э.** Логика мифа [Текст] / Я. Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987.
5. **Грейвс Р.** Мифы Древней Греции [Текст] / Р. Грейвс. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
6. **Доддс Э. Р.** Греки и иррациональное [Текст] / Э. Р. Доддс. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
7. **Иванов В. И.** Дионис и прадионисийство [Текст] / В. И. Иванов. – СПб.: Алетейя, 2000. – 343 с.
8. **Лосев А. Ф.** Избранные произведения [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 583 с.
9. **Серл Дж. Р.** Что такое речевой акт? [Текст] / Дж. Р. Серл // Философия языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 56–74
10. **Хюбнер К.** Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 448 с.

Надійшла до редколегії 14.01.11